Где есть любовь,
там нет сомнений.
ИРЭНЕ КАО
18+
Я ЧУВСТВУЮ ТЕБЯ

Ирэне Као

Я чувствую тебя

Серия «Итальянская трилогия», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7061691
Ирэне Као. Я чувствую тебя: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71204-5
Оригинал: IreneCao, “Io Ti Sento”
Перевод:
С. В. Гоманенко

Аннотация

Путешествие в поисках удовольствия продолжается! Вторая книга восхитительной трилогии, которую читает весь мир. Итальянский темперамент, прекрасный Рим, вдохновляющее искусство, любовь, страсть – вот главные ингредиенты книги.

Элена начала жизнь с новой страницы. Дни страсти и безумства, проведенные с Леонардо, превратили ее в сильную женщину, позволили раскрыться и познать все стороны любви. Теперь она знает, чего хочет: ради Филиппо оставила Венецию и переехала в Рим. Кажется, что Элена счастлива в своей новой жизни, но достаточно случайной встречи, чтобы все разрушить. Леонардо вновь встает на ее пути, и она должна решить, какую цену готова заплатить за эту страсть…

Элена не знает, правильно ли поступает, она лишь следует за своими чувствами, слушает сердце и город, который говорит с ней. Эта девушка изменилась, она не боится жить, не боится любить и готова сделать свой выбор.

Окончание истории читайте в завершающей части трилогии, книге «Я люблю тебя».

Содержание

Итальянская трилогия 5
Глава 1 8
Глава 2 18
Глава 3 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Ирэне Као
Я чувствую тебя

Посвящается моим подругам

Итальянская трилогия

«Я смотрю на тебя»

Бестселлер №1 в Италии! Первая книга восхитительной трилогии, которая отправит вас в путешествие, в мир чувственных удовольствий, любви, искусства и итальянской кухни.

Элена никогда не любила по-настоящему, мир для нее – это искусство, фрески, которые она реставрирует в старинных замках Венеции. Все меняется, когда в ее жизни появляется Леонардо, знаменитый шеф-повар, в чьих руках даже наслаждение приобретает форму, цвет, запах, вкус. Элена позволяет богатому красавцу с темным прошлым соблазнить себя и принимает его условие: «Не влюбляться». Теперь никто из них не должен нарушить это правило, что бы ни случилось…

«Я чувствую тебя»

Путешествие в поисках удовольствия продолжается! Итальянский темперамент, прекрасный Рим, вдохновляющее искусство, любовь, страсть – вот главные ингредиенты книги.

Элена начала жизнь с новой страницы. Дни страсти и безумства, проведенные с Леонардо, превратили ее в сильную женщину, позволили раскрыться и познать все стороны любви. Теперь она знает, чего хочет: ради Филиппо оставила Венецию и переехала в Рим. Кажется, что Элена счастлива в своей новой жизни, но достаточно случайной встречи, чтобы все разрушить. Леонардо вновь встает на ее пути, и она должна решить, какую цену готова заплатить за эту страсть…

Элена не знает, правильно ли поступает, она лишь следует за своими чувствами, слушает сердце и город, который говорит с ней. Эта девушка изменилась, она не боится жить, не боится любить и готова сделать свой выбор.

«Я люблю тебя»

Финальная часть итальянской трилогии, покорившей романтиков во всем мире!

Жизнь без любви, жизнь, полная свободных отношений, – вот новая мантра Элены, которая стала совсем другим человеком с тех пор, как отказалась от надежной любви Филиппо и всепоглощающей страсти Леонардо. У нее было все, теперь нет ничего. Каждую ночь Элена готова проводить с новым мужчиной, только чтобы заполнить пустоту и заглушить боль в груди.

В самый тяжелый момент, когда все отвернутся от Элены, Леонардо вновь окажется рядом и увезет девушку на свою родину – остров Стромболи. Сицилия, вулкан, море, глаза любимого мужчины способны исцелить ее, вернуть вкус к жизни, любви, искусству. Но впереди еще много препятствий: прошлая жизнь Леонардо встает на их пути, и кажется, что ничего уже нельзя изменить…

Рим сияет красотой, воздух наполнен ароматом моря. И я уверена, что это не только мое воображение – в таком мире просто нельзя не быть счастливым.

– Я сделала свой выбор. Если ты хотя бы немного беспокоишься обо мне, не ищи меня больше.

Он – мой грех, мой змей-искуситель: ядовитый и одновременно притягивающий, очаровывающий настолько, что этому невозможно противостоять.

Именно сейчас, когда я знаю, что люблю его, а он меня, я понимаю, что он никогда не сможет стать моим.

~~Никогда.~~

– Я не следую планам, а следую своим инстинктам. Мы оба здесь, потому что хотели этого, вот и все, этого должно быть достаточно.

Глава 1

Легким поцелуем он касается моего лба, в то время как пальцы медленно исследуют округлость бедра, теряясь под рубашкой. На мне его рубашка. Открываю глаза и встречаюсь с этим светло-зеленым взглядом, который сразу же освещает мое утро. Касаюсь рукой его лица, гладкого, как у ребенка. Поначалу я думала, что он встает по ночам, чтобы втихую побриться, а потом поняла: у него действительно такая кожа – щетина настолько мягкая и невидимая, что даже утром, только проснувшись, он выглядит так, будто уже побрился.

Мы лежим на боку, друг напротив друга, касаясь ступнями. Наши тела хранят один и тот же запах. Вчера вечером мы занимались любовью, и каждый раз это все лучше – открытие с привкусом неудержимого удовольствия. Теперь его рука трогает меня более настойчиво и легонько трясет.

– Биби, просыпайся… – Его голос – легкое дуновение.

Закрываю глаза, чтобы украсть еще минутку сна, представляя под дрожащими веками грядущий день, *все* грядущие дни вместе с Филиппо.

– Да, еще минутку, – бормочу, поворачиваясь на другой бок.

Он еще раз целует меня, поднимается и прикрывает дверь, оставляя одну в комнате отходить ото сна. Я еще не пришла в себя, но все же делаю неимоверное усилие и сажусь, прислонившись спиной к изголовью кровати. Из окна просачиваются солнечные лучи, они ласкают мое лицо. Сейчас восемь часов прекрасного майского утра, уже тепло, и свет снаружи почти ослепляющий.

Новый день моей новой жизни.

* * *

После того как я приехала в Рим и появилась на стройке три месяца назад, случилось то, о чем нельзя было даже мечтать: **Филиппо не просто простил меня, он выслушал, понял и позволил ощутить себя еще более любимой. Да, я сбилась с пути, но в его объятиях почувствовала, что вернулась домой, нашла саму себя**. Нам достаточно было посмотреть друг другу в глаза, чтобы понять, что мы хотим быть вместе. Поэтому я уехала из Венеции и перебралась сюда – в его римскую квартиру, которая уже стала нашей. Она расположена в уединенном, светлом лофте[1], выходящем на искусственный водоем, в квартале ЕУР[2]. Филиппо сам участвовал в проектировании этого квартала и лофта. Мне нравится все в этом гнездышке. И потом в каждом углу есть что-то родное – относящееся к нашему образу мыслей, нашим пристрастиям: стеллаж из синтетического агломерата, сконструированный Филиппо; светильники из рисовой бумаги, которые я расписала японскими идеограммами; плакаты, напоминающие о наших любимых фильмах. Обожаю окна без занавесок и даже страшный, вызывающий клаустрофобию лифт нашего дома, где каждый раз боюсь застрять. Но больше всего мне нравится, что это наша первая совместная квартира.

Ускользаю в ванную и в спешке привожу в порядок растрепанные волосы, закрепляя их на затылке заколкой, чтобы убрать с глаз. Каре моей последней венецианской осени кануло в Лету, теперь мои каштановые волосы отросли и в беспорядке мягко падают ниже плеч, хотя я иногда пытаюсь собрать их в хвост или другие импровизированные прически.

---

[1] Лофт – переоборудованное под жилье помещение заброшенной фабрики или другого здания промышленного назначения. Слово loft означает «чердак», в США так называют еще и верхний этаж торгового помещения либо склада.

[2] ЕУР (итал. EUR) – урбанистический комплекс в тридцать втором квартале Рима, спроектированный в 30-х годах для Универсальной выставки.

Натягиваю штаны от спортивного костюма и шаркая тапками, иду к Филиппо на кухню.

– Доброе утро, соня, – приветствует он меня, наливая стакан апельсинового сока. Мой друг уже готов к выходу, благоухающий и одетый в брюки из бежевого хлопка, голубую рубашку и галстук в оптических разводах. Галстук означает, что сегодня Филиппо пойдет в офис, а не на стройку, я уже усвоила это. Завидую его утренней собранности, по сравнению с ним по утрам я кажусь черепахой, ползающей по дому.

– Привет, – отвечаю, протирая глаза и чуть не вывихивая челюсть от зевка. Усаживаюсь на барный табурет и опираюсь локтями на цементный остров, все еще не в состоянии противостоять объятьям сна. Поднимаю взгляд на плиту, где уже кипит вода для моего чая. Филиппо трогательно заботится обо мне уже с первого утра, когда мы проснулись вместе. Такие вроде бы незначительные знаки внимания многое о нем говорят.

Филиппо выключает газ, прежде чем вода перельется. «Наркотик сама добавишь?» – спрашивает.

Улыбаюсь. Филиппо утверждает, что у меня зависимость от зеленого чая и травяных настоев, и возможно, он прав: в течение дня я пью их литрами, и мне нравится покупать всевозможные разновидности чая. Подхожу к полкам и беру одну из множества баночек, наполненных высушенными листьями. Сегодня мне хочется аюрведической смеси: зеленый чай, ароматизированный розой и ванилью.

– Хочешь? – спрашиваю.

Филиппо качает головой, смачно прихлебывая свой кофе.

– Он очень вкусный, правда! – протягиваю ему жестяную банку, чтобы он ощутил запах.

– Ага, конечно… ты теперь и рекламируешь? – комментирует, с осторожностью принюхиваясь. – Пахнет мертвыми кошками, – заключает, сморщив нос. Качаю головой – это уже заведомо проигранная битва – и сажусь обратно на барный стул с дымящейся чашкой в руках, стараясь не обжечься. С этого места с удовольствием рассматриваю Филиппо: худощавое, мускулистое тело, светлые волосы, чуть тронутые гелем. **Он нравится мне все больше, приятно иметь общие ритуалы, ощущать знакомую вселенную совместных привычек. Наверное, каждая любовная история должна быть такой**. И с течением времени я только более уверяюсь, что мы сможем провести вместе всю оставшуюся жизнь и рутина не разрушит наши отношения, как разрушила многие пары.

– Ты чего на меня уставилась? – спрашивает, вопросительно приподняв бровь.

– Смотрю на тебя, потому что ты красивый, – отвечаю, отпивая чай.

– Вот подлиза!

Он приближается и начинает щипать меня за бока, покрывая шею мелкими поцелуями. Потом усаживается на барный табурет рядом со мной и включает планшет, начиная пролистывать страницы газет, на которые он подписан. Привычный утренний обзор печати.

– Не понимаю, как ты можешь читать на этой штуке, – замечаю с недоумением.

– Это намного удобней обычных газет: они занимают чересчур много места и вдобавок неэкологичны. – Его пальцы стремительно движутся по экрану, будто он играет на пианино.

– Я предпочитаю бумагу, – утверждаю твердо.

– Потому что ты старомодная. – Филиппо одним глотком допивает кофе, и саркастическая улыбка появляется у него на губах. – В конце концов, ты же реставратор…

– На провокации я не поддаюсь! – отвечаю, стараясь казаться выше этого. **Мы постоянно спорим, чья работа важнее: я сохраняю прошлое, а он, как архитектор, проектирует будущее. В общем, две противоположные профессии, так что спор на эту тему, наверное, нескончаем.**

– Что будем делать вечером? – спрашиваю, обмакивая в чай рисовое печенье.

– Не знаю, любимая… я даже не могу тебе сказать, когда закончу в офисе, – отвечает Филиппо рассеянно, не отрывая глаз от планшета.

– Ох уж эти мне мечтатели-архитекторы, которые изобретают будущее, но не способны предвидеть собственный день позже семи вечера, – комментирую вполголоса, откусывая хрустящее печенье и подавляя ехидную улыбочку. (Да, я не поддаюсь на провокации, но сама не упускаю возможности кольнуть.)

Филиппо наконец-то отрывается от планшета. *Touché*[3].

Взлохмачиваю ему волосы, зная, что этот жест его взбесит. И действительно, он тянется ко мне, хватает за руку и блокирует ее за моей спиной:

– Ну хорошо, Биби, ты сама напросилась. – Другой рукой он щекочет меня под ребрами, и я начинаю хохотать и извиваться, как угорь. Не могу больше терпеть и умоляю сжалиться. Внезапно Филиппо оставляет меня и бросает взгляд на часы.

– Черт, уже поздно! – За минуту выключает планшет и бережно укладывает его обратно в чехол, как редкую реликвию.

– Я быстро переоденусь, – говорю, понимая, что я все еще в пижаме. – Если подождешь, выйдем вместе…

– Биби, не могу, – вздыхает он, разводя руками, – я должен быть в офисе через полчаса, встреча с клиентом. Это он так рано назначил, черт бы его побрал…

– Ок! – отвечаю, глядя на него грустным, покорным взглядом, как бывает всякий раз, когда я хочу вызвать в нем нежность. – Ну, иди тогда, а мне придется проделать весь путь самой, – жалостливо всхлипываю.

– Ну, ты ведь, наверное, разобралась уже, как ездить на метро, – усмехается он.

Филиппо прав, я плохо ориентируюсь. По правде говоря, у меня выдающаяся способность теряться и садиться не на тот автобус. Однако освоение римского водоворота после почти деревенских размеров Венеции по-моему служит смягчающим обстоятельством, не правда ли?

– Дурак! – сделав гримасу, притягиваю его к себе. – Хорошего дня, – шепчу, приближая губы.

– До вечера, Биби! – Его поцелуй оставляет у меня на губах восхитительный привкус кофе, смешанного с зубной пастой.

*** * ***

День начался хорошо, поэтому я направляюсь в сторону метро решительным шагом, будто на встречу с опасным соперником, хотя сияющее солнце располагает не спешить, а наслаждаться прогулкой. ЕУР – современный квартал. Живая зелень парков перемежается с асфальтом тротуаров и цементными конструкциями домов. Все это вместе порождает ощущение умиротворения, несмотря на хаотичность уличного движения. Здесь все внове для меня, привыкшей к абсолютно другому городскому пейзажу: полупустые площади Венеции, где главный транспорт – вапоретто[4]; ее мосты, заполоненные туристами. Я по-прежнему шагаю на работу, подняв нос кверху. Спускаюсь по ступеням в метро и уверенно иду к подземному переходу на Ребиббия. Я вечно боюсь ошибиться: здесь внизу мне все кажется таким запутанным! Несколько раз мне уже случалось потеряться, и я звонила Филиппо с

[3] Туше (от франц. touche) – удар, касание противника во время фехтования. В контексте спора означает, что замечание поразило оппонента.

[4] Вапорйтто (итал. waporetto) – маршрутный водный трамвайчик, единственный вид общественного транспорта в островной Венеции.

просьбой о помощи: именно этот отчаянный SOS превратил меня в объект его насмешек на всю жизнь (надеюсь – на всю жизнь).

Сажусь на железную скамью вдоль путей в ожидании поезда. Оглядываю людей вокруг, пытаясь угадать, куда они едут и чем занимаются. Этой игрой мы с Гайей развлекались в детстве, возвращаясь из школы на вапоретто. Кто знает, что она там делает сейчас. Я представляю себе, как она рассекает по узеньким улочкам в туфлях *Jimmy Choo* на двенадцатисантиметровых шпильках, в обтягивающем платье, сопровождая очередную японскую мультимиллионершу в изнуряющей сессии утреннего шопинга. Хотя мы часто созваниваемся, мне все равно не хватает Гайи: ее искренней улыбки, колоритных выражений, импульсивных объятий и даже ее диктата надо мной в отношении моды и стиля. Ее дружба – это, наверное, единственное из моей венецианской жизни, чего мне сейчас не хватает. Да, еще мои родители. В остальном я рада, что уехала оттуда.

Ровно через пять дней мне исполнится тридцать лет – не верится. Я задую свои тридцать свечек в Риме, и это повергает меня в эйфорию (меня – никогда не любившую дней рождения). Чувствую, что достигла некоего переломного момента. Покинуть прежние безопасные берега – это всегда не просто, даже драматично, но **я уверена, что сделала решающий шаг к моей взрослой жизни при наилучших обстоятельствах: новая любовь, новый город, новая жизнь. Если счастье существует, оно должно быть где-то совсем рядом.**

Наконец-то подошел мой поезд. Сейчас час пик, но свободные места еще есть. С трудом вхожу, проталкиваясь в толпе, и втискиваюсь на сиденье между толстой синьорой и прыщавым подростком. Передо мной встает парень в легкой рубашке. Он стоит, повернувшись спиной, при этом своей массой закрывает мне весь обзор, так что я даже не вижу светящегося табло, где зажигаются названия остановок. Прежде чем я доеду до Колизея, их должно быть как минимум десять; смиряюсь с мыслью, что придется считать на пальцах, и надеюсь не ошибиться.

Внезапно понимаю, что мои глаза не отрываются от спины парня. Они захвачены чем-то знакомым: эта рубашка, эти плечи, эти темные волосы. Если бы он не был так молод, я бы решила, что это Леонардо. Воспоминание о нем молнией пронзает меня, и я чувствую, как внутри все погружается в тень. Все вокруг мутнеет. В мыслях материализуются воспоминания о мгновениях, проведенных вместе с ним. Эти черно-белые фотографии набрасываются на меня, словно назойливые насекомые. Я тут же отгоняю их, встряхнув головой. «В прошлом», – бормочу. Сейчас уже нет смысла спрашивать себя, где находится Леонардо и что, если между нами все закончилось бы иначе. И нет смысла оплакивать чувства, которые он вызывал во мне: пустота в желудке перед встречей с ним, чудо открытия и возбуждение от наших тайных встреч. Все это потеряно, закончилось навсегда.

Пожалуй, я еще не готова обернуться назад и отрешенно обдумать всю эту историю. Но в любом случае сейчас, вспоминая о Леонардо, уже не впадаю в отчаянье, парализованная болью в сердце и грузом подавленной страсти внутри, как три месяца назад. **Я исцелилась, словно отошла от тяжелой болезни и начала все заново. Я научилась управлять этими чувствами, разбирая их на кусочки. Боль уменьшилась со временем, как это всегда бывает** (даже если после травмы представляется невозможным). И теперь я могу представлять Леонардо тем, чем он был на самом деле – любовной историей той прежней, неправильной Элены, которая никогда уже не вернется. А еще я ощущаю себя более мудрой и уверенной в себе женщиной. Рядом с лучшим мужчиной – рядом с Филиппо.

* * *

Выхожу на станции «Колизей» и оказываюсь на Виа деи Фори Империали[5], где сажусь на нужный автобус до моей работы. Смотрю на Рим, пробегающий у меня перед глазами. Его потрясающая, неухоженная красота продолжает удивлять и завоевывать меня каждый день. Слои искусства и истории, хаотично наросшие друг на друга. **Этот город похож на женщину, решившую надеть одновременно все наряды своего гардероба, смешивая эпохи и стили**. И она не уверена, стоит ли спрятать или показать свою красоту.

Автобус шумно едет по мощеным улицам, медленно вливаясь в круговое движение на Пьяцца Венеция, где машины следуют в непрерывном вальсе, продолжающемся в любое время дня и ночи. Спускаюсь по Ларго Арджентина, оставляя за собой задворки Корсо Витторио Эммануэле, и перехожу в узкие улочки, ответвляющиеся по сторонам. Центр Рима – это лабиринт кривых переулков, которые запутывают вплоть до полной потери ориентации, но в конце концов всегда приводят к большой прекрасной площади, оставляя тебя в состоянии изумленного удивления. Я уже научилась не бояться их. И хотя продолжаю теряться и всякий раз проделываю новый маршрут, я знаю, что рано или поздно появится успокаивающая линия Пантеона[6] или удлиненная форма Пьяцца Навона[7], указывая мне, что я на правильном пути.

Вот наконец я дошла до площади Сан-Луиджи-деи-Франчези[8] – моего конечного пункта назначения, и всего лишь с десятиминутным опозданием. Мне объяснили, что в Риме считается нормальным и даже чуть ли не обязательным опаздывать на встречи на пятнадцать минут. В столь запутанном и задушенном пробками городе никто не ожидает от вас пунктуальности, и потому она выглядит здесь излишней мелочностью и даже недостатком вежливости.

Прохожу мимо группки молодых священников, среди которых узнаю отца Сержа – одного из священников, проводящих службы в Сан-Луиджи.

– *Bounjour, mademoiselle Elena*[9], – приветствует он меня белоснежной улыбкой, которая контрастирует с его темной кожей.

Сан-Луиджи – церковь галликанского сообщества в Риме, а святой отец – француз, происхождением из Сенегала. Киваю ему головой в ответ и быстрым шагом иду ко входу. Если бы не мощный крест на крыше, фасад Сан-Луиджи с его коринфскими колоннами и каменными статуями в элегантных нишах, больше походил бы на светское здание неоклассического стиля, нежели на религиозное строение.

Толкаю деревянную дверь и переношусь из дневного света в полутень внутри. Каждое утро я думаю, какой необычайной привилегией я награждена, входя в это святилище искусства. Здесь хранятся три известных произведения Караваджо[10]: «Мученичество св. Матфея», «Св. Матфей и ангел» и «Призвание св. Матфея»[11]. Я часами изучала их по учебникам, но

---

[5] Виа деи Фори Империали (итал. Via dei Fori Imperiali) – современная улица в Риме, пересекающая развалины античного Императорского форума.

[6] Пантеон – храм, относящийся к периоду расцвета архитектуры Древнего Рима, построенный в 126 г. н.э.

[7] Пьяцца Навона (итал. Piazza Navona) – площадь в центре Рима в форме вытянутого прямоугольника.

[8] Церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези (итал. San Luigi dei Francesi) – католическая церковь в центре Рима, недалеко от площади Навона, с 1589 г. – храм французской общины Рима.

[9] Доброе утро, мадемуазель Эленб! (франц.)

[10] Микеланджело Меризи да Караваджо (итал. Michelangelo Merisi da Caravaggio) – итальянский художник начала XVII века, основатель реализма в живописи, один из крупнейших мастеров барокко. Одним из первых применил манеру письма «кьяроскуро» – резкое противопоставление света и тени.

[11] Цикл монументальных полотен, посвященных св. Матфею, признают началом творческой зрелости Караваджо (созд.

ни разу не видела вживую, прежде чем пришла работать сюда. И сейчас мне трудно поверить, что я прохожу мимо них каждый день – совсем рядом находится капелла, где я занимаюсь реставрацией. И поэтому, несмотря на влажность, пыль и растворители (губительные для моей чувствительной кожи), несмотря на мой клеенчатый комбинезон с его парниковым эффектом, а также несмотря на неустойчивые леса и дотошность отца Сержа (приходящего каждый час проверить мою работу), на непрестанный поток людей – я чувствую, что мне действительно повезло работать здесь.

Я получила эту работу благодаря рекомендации Борраччини, которая, будучи директором Института реставрации Венеции, располагает влиятельными знакомствами повсюду в отрасли культурных ценностей. Когда я позвонила ей с просьбой, не могла бы она посоветовать мне что-нибудь в Риме, она, не отходя от письменного стола в своем венецианском офисе, смогла найти мне этот проект с помощью пары телефонных звонков. «Я нашла именно то, что тебе нужно, – сообщила она менее чем через час после моего звонка, уверенным и решительным тоном. – Пожалуйста, не разочаруй меня, дорогая Элена, ты будешь работать вместе с Чеккарелли. Когда-то она была моей ученицей, а теперь – один из лучших реставраторов Рима. **Обычно Чеккарелли предпочитает работать в одиночестве, но, если ты не позволишь ей с ее ужасным характером *задавить* тебя, ты многому у нее научишься**», – заключила Борраччини почти угрожающим тоном.

Так, благодаря вмешательству одного из моих венецианских преподавателей (и отнюдь не самого любимого), я и нахожусь здесь: взобравшись на шаткие леса, с губками, кистями и стирательными резинками в руках, работаю над «Поклонением волхвов» Джованни Бальоне[12] – римского художника, жившего на рубеже XVI–XVII веков. Хотя Бальоне был одним из основных биографов Караваджо, в конце концов они превратились в заклятых врагов. Бальоне даже вовлек Караваджо в судебный процесс. Причиной неприятностей стал, как обычно, непредсказуемый нрав ломбардского художника: Караваджо написал книжку сатирических стишков, где высмеивал Бальоне и даже обвинял его в плагиате. Тот подал на Караваджо в суд за оскорбление, и эта шутка стоила Меризи Караваджо месяца тюремного заключения. Однако **в этой церкви, много веков спустя, произведения двух лютых врагов соседствуют друг с другом, разделенные только одной стеной**. И если существует жизнь после смерти, то, думаю, Караваджо чувствует себя истинным победителем (принимая во внимание толпы посетителей, которые приходят восхититься его капеллой и удостаивают лишь рассеянным взглядом капеллу бедного Бальоне).

– Начнем или будем целый день собираться с мыслями?

Голос Чеккарелли – лучшая реставраторша и обладательница худшего в Риме характера (в чем я почти сразу же убедилась) пробуждает меня от мечтаний своим зычным окриком с типичным римским акцентом. Познакомившись с Чеккарелли, я до сих пор **теряюсь в догадках: Борраччини действительно желала оказать услугу или коварно уготовила мне миссию, ставящую под угрозу мои нервы.**

Рывком поворачиваюсь и застываю под суровым взглядом Паолы Чеккарелли, полускрытым странными очками в салатовой оправе. Паола – высокая, нервная сорокалетняя женщина, ее светлые волосы с мелированием практически всегда собраны в хвост или небрежно забраны наверх заколкой, что, как ни странно, придает ей вид римской матроны. Чеккарелли скандальна и неуступчива, но при этом действительно гений в нашей области. Она как никто знает секреты цветовой палитры, может угадать тайную сущность любой фрески и представить каждую ее деталь в наилучшем виде. К сожалению, Паола прекрасно

1599–1602).

[12] Джованни Бальоне (итал. Giovanni Baglione) – итальянский художник и биограф, работавший преимущественно в Риме в конце XVI – первой половине XVII в.

осознает величину своего таланта и использует любую возможность одернуть меня, если замечает, что я оплошала при смешивании красок или надолго застряла на какой-то детали фрески. Она молчалива, но когда говорит что-нибудь, то выражается в очень прямой и резкой манере. И это вызывает у меня нечто вроде благоговейного ужаса. Иногда мне кажется, что Паола на самом деле совсем не похожа на ту, какой хочет казаться.

– Элена, какого черта ты делаешь?

Ее голос – ударная волна за моей спиной. Я собиралась начать накладывать цвет на плащ Девы, но сразу же поворачиваюсь с застывшей в воздухе кистью и встречаюсь взглядом с этими глазами орехового тона, которые обжигают меня из-под очков, в то время как на ее щеках вокруг рта возникают две строгие линии.

– Попробуй сначала. Я не уверена, что цвет идентичен, – продолжает Паола, указывая подбородком на мою емкость с голубой краской.

– Хорошо, – отвечаю примирительным тоном, хотя я уже тысячу раз пробовала и подбирала. Делаю небольшой мазок на одеяниях Мадонны и замечаю: – По-моему, цвет не отличается…

И действительно, цвет сливается с оригиналом фрески.

Паола приближается, чтобы проверить. Сначала смотрит на образец, потом на меня, и спустя мгновение (которое кажется мне бесконечным), выражение ее лица становится… таким, как всегда: злым на весь мир, а заодно на меня.

– Не забудь указать в черновике точное количество пигмента, – говорит она, возвращаясь к своей фреске на другой стене капеллы, «Благовещение» Чарльза Меллина.

– Хорошо, потом отмечу.

Мне хотелось сказать ей, что мне нет нужды записывать пропорции всякий раз, что я все прекрасно помню, но решаю промолчать.

То, что Паола называет «черновиком», – это большая тетрадь в твердой картонной обложке с белыми неразлинованными листами, которую она блюдет с религиозным фанатизмом. Каждое утро, прежде чем приступить к работе, Паола пишет в начале страницы дату сегодняшнего дня, а потом ниже указывает (или заставляет меня) все пропорции пигментов, которые мы использовали в смеси красок. **Раньше я считала, что только я олицетворяю собой клинический случай педантизма и мании совершенства в работе, но, встретив Чеккарелли, поняла, что не одинока. Поначалу ее сверхъестественная скрупулезность выводила меня из себя, потом я привыкла и наконец, охваченная стокгольмским синдромом**[13]**, научилась ценить ее.**

Вне работы у нас так и не было возможности познакомиться поближе. Я пыталась подружиться, приглашая ее перекусить вместе или прогуляться по центру во время перерыва, но Паола всегда отказывалась. Похоже, она предпочитает соблюдать дистанцию и оставить наши отношения в формальных, чисто профессиональных рамках. Но все же почему-то я уверена, что за этой железной маской скрывается чувствительная душа. Паолу выдает то, как она держит кисть в пальцах, и та деликатность, с которой она скользит ею по фреске – касается очертаний и теней движениями легче перышка.

* * *

Работаем все утро спиной друг к другу – каждая лицом к своей фреске. Единственные звуки здесь внутри – шаги посетителей вдоль галерей и звякание монеток в агрегате, который включает освещение над творениями Караваджо. Я останавливаюсь, чтобы освежить взгляд глазными каплями и проверить мобильный. Пришло сообщение от Филиппо.

[13] Стокгольмский синдром – психологический термин, описывающий эмпатическую связь жертвы с агрессором.

После внимательного и углубленного анализа, ясновидящий проектировщик будущего предвидит вечер с аперитивом и кино. В «Фарнезе» показывают Тарантино. Увидимся у меня?

Офис Филиппо находится на Виа Джулия, в нескольких шагах отсюда. Нередко я захожу за ним после работы, и мы идем на аперитив в Кампо деи Фиори[14], а затем в кино на первый сеанс, таким образом нам потом удается еще вернуться домой на метро. Сейчас, когда вечера становятся все теплее, неохота сидеть взаперти дома, и, конечно, его предложение мне нравится.

Ок. До скорого. Чмок

Откладываю телефон и возвращаюсь к работе.

– Кто знает, может существует программа типа «Фотошоп» и для нас тоже, – размышляю вслух, растушевывая белый тон на облачениях Марии, – вот было бы здорово…

Паола улыбается:

– Ну не знаю. Мне бы не хватало ручной работы.

Потом приближается к участку, над которым я работаю, внимательно разглядывая его сантиметр за сантиметром.

– Советую тебе хорошо очистить пятнышки от брызг, – указывает она рукой в перчатке на одно место, – иначе когда будешь закрашивать, получится ужасно.

– Конечно.

Я прекрасно знаю, что делать, но Чеккарелли не теряет возможности поучать. Потом снимает перчатки и начинает приводить в порядок инструменты.

– Ты уже уходишь? – спрашиваю, вытаращившись. (Паола всегда покидает место работы после меня.)

– Да, ты забыла? – она встряхивает головой, высвобождая непослушные волосы от заколки, – Меня днем не будет.

– Ах, и правда.

Действительно, несколько дней назад она говорила мне, что будет занята сегодня во второй половине дня. Понятия не имею, о чем речь, и воздерживаюсь от расспросов.

– Тогда до завтра!

– До завтра! – Паола взмахивает рукой на прощание, неслышно удаляясь в своих кроссовках.

* * *

После обеда мне ничего особенного сделать не удалось. Наверно, потому, что в четыре отец Серж отслужил перед своими прихожанами длиннейшую службу на французском, которая меня отвлекала. А может быть, потому, что внимание рассеялось, а после этого глазам трудно сосредоточиться на деталях. Поэтому, в ожидании половины седьмого и встречи с Филиппо, делаю пока рутинную работу: заполняю внимательно черновик, готовлю пигменты на завтра и привожу в порядок все свои инструменты с особой тщательностью.

Время от времени пересекаюсь взглядом с парнем, который вот уже несколько дней приходит в церковь и часами простаивает перед картинами Караваджо, не обращая внимания на туристов, проходящих мимо.

Я заметила у него странный альбом для рисунков в ярко-синей обложке, который он использует для заметок или карандашных набросков. Потом вырывает страницы и скла-

[14] Кампо деи Фиори (итал. Campo dei Fiori, цветущий луг) – площадь в Риме, современный центр ночной молодежной жизни. До начала XV века на ее месте была цветочная поляна, отсюда и название.

дывает их в картонную папку на резинке. На вид ему от силы двадцать лет, а возможно и меньше. Сегодня на нем пара прямых джинсов, заправленных в клетчатые ботинки «*All Star*», и черная футболка без надписей. На запястье два веревочных браслета, в левой брови мерцает пирсинг. Он не очень высокий, но худощавый – классический тип нервного гениального студента: мышцы на руках едва намечены, бледная кожа, корпус слегка наклонен вперед.

Он только что улыбнулся мне. Застенчивая и почти незаметная улыбка, в знак приветствия. Это, наверное, означает: «Ведь мы уже можем здороваться… мы знакомы, поскольку встречаемся здесь уже пять дней подряд». Мне нравятся его большие темные глаза – они живые, светятся силой – и его густые брови, и копна слегка вьющихся каштановых волос. Большой рот с пухлыми губами придает его лицу слегка экзотический вид.

Может быть, он не студент, а начинающий художник. **Сюда приходит много молодежи полюбоваться на произведения искусства, но он отличается от них: изучает картины с особой прилежностью**, лихорадочно записывая что-то на своих листках, или часами читает учебники, подчеркивая фразы, будто хочет зафиксировать в памяти каждую строчку.

Уже четверть седьмого, он собирается уходить. Я тоже пойду: на сегодня я сделала достаточно, да и оставаться дольше нет смысла – я совсем вареная. Снимаю комбинезон, привожу в порядок волосы и иду к выходу вдоль галереи. Кожаные подметки моих босоножек создают отзвук на мраморных полах, и приходится идти на цыпочках, чтобы не шуметь.

Проходя мимо моего «знакомого», я внезапно замечаю, что из его папки выпал один листок с заметками. Поднимаю его и, прежде чем парень уйдет, спешу остановить, дотрагиваясь двумя пальцами до плеча. Он с удивлением оборачивается

– Извини, ты потерял вот это, – говорю, протягивая ему листок.

– Спасибо. Я не обратил внимание.

Он краснеет, слегка смущенный. Почесывает затылок одной рукой, затем берет листок, складывает его вдвое и подсовывает под резинку папки.

– Я заметила, что ты уже несколько дней сюда приходишь, – продолжаю, когда мы выходим из церкви. – Учишься?

– Да, я на первом курсе Академии искусств. (Он очень напряжен, это видно по беспрерывному движению глаз.) – Я провожу исследование цикла святого Матфея, – уточняет парень, прочищая горло.

– Я так и подумала. – Одариваю его дружелюбной улыбкой: он располагает к себе.

– А ты, значит, работаешь реставратором.

Он оглядывает меня с восхищением, вызывая чувство почти нежности. Потом подает руку и добавляет вежливо:

– Меня зовут Мартино, очень приятно познакомиться.

– Элена! – пожимаю его горячую руку.

– А этот акцент? Откуда ты?

– Из Венеции.

– Ну конечно… переехала по работе?

– Не только… – улыбаюсь ему, – еще поближе к моему парню.

– А-а, – он кивает головой и, кажется, выглядит слегка расстроенным.

На мгновение замолкаем, будто оба не находим, что сказать.

– Ну, думаю, что мы будем часто видеться в ближайшие дни, Мартино.

– Наверно да, – радостно отвечает он, блестя глазами.

– Я побегу, мне туда! – говорю, указывая направление.

– А мне – туда! – отвечает он, будто встряхнувшись.

– Тогда до встречи!

– До встречи!

Проходит два шага назад и удаляется с опущенным вниз взглядом и слегка разболтанной походкой, характерной для тех, кто носит «*All Star*». Провожаю парня взглядом и вижу, как он снова оглядывается, словно хочет увериться, что я действительно ушла. Я улыбаюсь ему, он улыбается в ответ, но, шагая с повернутой ко мне головой, сталкивается с идущим навстречу прохожим. Извиняется в замешательстве и продолжает свой путь понурившись, видимо умирая от стыда.

Его неуклюжесть вызывает у меня чувство нежности: застенчивые люди сразу узнают друг друга. До встречи, Мартино. Теперь у меня будет новый друг.

Глава 2

Сегодня Мартино появился рано, с маленьким кожаным кошельком, закрепленным на ремне джинсов. Каждые две минуты он достает монетку, и до меня доносится сухой стук металла о металл, потом щелчок включающейся лампочки, и вот, словно по волшебству, святой Матфей появляется из тьмы.

Мартино вглядывается, изучает, разбирает по деталям, потом присаживается на ступеньки, с трудом протиснувшись среди туристов, и начинает писать на разбросанных листках. С момента нашего личного знакомства прошло пять дней, и его присутствие уже стало для меня чем-то вроде приятного обычая, отвлекающего от постоянного давления Паолы.

Время от времени Мартино заходит в нашу капеллу, и мы с ним начинаем обсуждать технику реставрации и теорию цвета. При этом моя коллега и наставница пребывает в молчании сама по себе. Иногда Мартино очень внимательно смотрит на меня, словно на какую-то картину, но меня это не раздражает. Я понимаю, что его умные любопытные глаза просто пытаются понять все секреты мастерства. В нем есть что-то, что отличает его от сверстников, которые болтаются по мостовым Виа деи Корсо или нагло носятся по городу на переделанных мотороллерах. Мартино застенчивый, вызывающий в стиле одежды, но очень сдержанный в поведении.

– Я смотрю, ты сегодня наготове, – говорю, кивая подбородком на кошелек.

Он улыбается:

– Не понимаю, почему освещение длится так мало…

– А это ты у отца Сержа спроси, – говорю со смехом, который действует на нервы Паоле.

Игнорирую ее бормотание и начинаю смешивать пигмент красного оттенка для облачения Мадонны.

– Вот бы мне лампу, как у вас! – Мартино указывает на круглый галогенный фонарь, освещающий место реставрации, словно кинематографическую площадку.

– Я уверена, что отец Серж этого не одобрит.

Пока я говорю это, в мыслях возникает картинка: удовлетворенная улыбка священника, который перед закрытием церкви опустошает контейнер с монетками. Ясно, что картины Караваджо и система их освещения составляют добрую долю доходов церкви Сан-Луиджи-деи-Франчези.

– Да, но это же настоящий грабеж! – протестует Мартино, фыркая. – Эта курсовая влетит мне в копеечку, – говорит он, помахивая полупустым кошельком. – Будем надеяться, что усилия были ненапрасны и это хотя бы приведет к результату. Правда, моему профессору Бонфанте никогда не нравится ничего из моих работ!

– У меня тоже была такая преподавательница, ей было трудно угодить, – соглашаюсь со знающим видом, – Габриэлла Борраччини. Она славилась своим ужасным характером…

Паола резко поворачивается в мою сторону.

– В чем дело? – спрашиваю, опасаясь, что наша болтовня побеспокоила ее.

– Ничего, подай мне, пожалуйста, красный пигмент, – просит она с необычной вежливостью.

Передаю ей краску. Странно, она кажется взволнованной, но у меня нет времени, чтобы осознать это, потому что она снова отворачивается к своей стене. А я продолжаю разговаривать с Мартино.

– Правда, спустя многие месяцы, когда все мои вопросы она систематически игнорировала (хотя я проводила не один час в очереди перед ее кабинетом в приемные дни), в конце года я таки сдала ей курсовую по Джорджоне, над которой проводила дни и ночи, делая зари-

совки в галереях Академии и нескончаемые исследования в самых отдаленных библиотеках Венето. И с того дня профессорша признала меня ученицей, оправдавшей ее ожидания.

– Надеюсь, что у меня будет так же. Бонфанте просто ужасен…

Мартино качает головой. Потом с любопытством смотрит, как я смешиваю пигмент с водой, наконец спашивает:

– А почему ты используешь именно этот кувшин?

– Его фильтр задерживает все примеси. – Приподнимаю крышку и показываю ему. – Известь губительна для цвета. Я выучила это в Венеции.

– Можно уже помолчать немного? – бурчит Паола с внезапным раздражением.

– И правда, извините, – пытается задобрить ее Мартино.

Я пожимаю плечами и подмигиваю ему, как бы говоря: «не обращай внимание, так уж она устроена».

Паола продолжает ворчать:

– От вас больше шума, чем от гусей в Кампидольо[15].

Когда она злится, ее римский акцент усиливается.

– Может, сделаем перерыв? – предлагаю (уже одиннадцать, и Паола еще не делала паузу). – Пойдем, кофе попьем? – спрашиваю, обращаясь к обоим и бросая заговорщический взгляд на Мартино.

– Иди ты с мальчишкой, – отвечает Паола с невозмутимым видом. – Мне надо закончить здесь, – добавляет раздраженным голосом, не отрывая взгляда от фрески.

– Ладно, тогда я пойду, скоро вернусь.

Снимаю клеенчатый комбинезон, беру сумку из кладовой за алтарем и вместе с Мартино на цыпочках выскальзываю из церкви.

* * *

– Мама мия, ну и зануда твоя коллега…

На выходе Мартино поправляет прядь волос, падающую на глаза и выжидательно смотрит на меня.

– Пойдем в «Сант-Евстахио»? – предлагаю. Это бар в нескольких шагах от Сан-Луиджи, одноименный с площадью, и, говорят, там подают лучший кофе в Риме.

Солнце уже высоко, и небо настолько чистое, что выглядит нарисованным. Погода в столице в это время года идеальна: не слишком жарко и с моря время от времени доносится легкий бриз.

Мы идем вдоль Виа делла Догана Веккья[16], доходим до площади, и у меня буквально перехватывает дыхание. **На мгновение кажется, что я чувствую в воздухе знакомый аромат – *тот самый* аромат амбры, смешанный с каким-то еще более сильным, всепроникающим запахом: Леонардо**. Я замираю и оглядываюсь по сторонам с бешено бьющимся сердцем, но среди прохожих не вижу никого, кто бы даже отдаленно походил на него. Затем высоченная модель, затянутая в черные легинсы, не оставляющие пространства воображению, перекрывает своим вызывающим парфюмом все воспоминания о нем.

– В чем дело? Все в порядке? – обеспокоенный голос Мартино резко возвращает меня к реальности. Я почти совсем забыла о его присутствии.

– Да-да, а что? – пытаюсь изобразить безразличие. Но похоже, мне это не очень удается, раз даже такой молодой мальчик понимает, что что-то не так.

---

[15] Согласно известной легенде, гуси (жившие в храме на Капитолийском холме, где располагается нынешняя площадь Пьяцца Кампидольо – в центре Рима) спасли римлян своим гоготанием в ночь атаки галлов.

[16] Виа делла Догана Веккья (итал. Via della Dogana Vecchia – улица Старой Таможни).

– Ты побледнела.

– Да нет, что ты! Мне просто показалось, что я увидела одного знакомого, но ошиблась. – Улыбаюсь, в попытке замаскировать свое волнение.

– Может, это Паола за нами шпионит, – шутит Мартино. Я смеюсь вместе с ним, стараясь усилием воли выкинуть из головы и из каждой частички своего тела воспоминания о Леонардо.

Дойдя до кафе, садимся за первый свободный столик на улице и делаем заказ официанту – мужчине с седыми волосами и красным лицом, который кажется рожденным для этой профессии. Я выбираю ячменный кофе, Мартино – кинотто[17].

– Рим так красив весной! – вздыхаю, оглядываясь вокруг.

– Да, наверное, и Венеция тоже? – откликается Мартино. – А ты знаешь, что я там был всего один раз, на экскурсии в старших классах? И естественно, помню только пьянки и как нас тошнило в отеле…

– Ты должен обязательно вернуться, там столько разных художественных шедевров, с ума сойдешь, пока выберешь, на что смотреть… Перекрещиваю ноги, усаживаясь поудобнее в кресле из кованого металла. – Если решишь поехать и тебе нужен будет совет, спрашивай. Уж я-то хорошо все там знаю…

– Может, ты сможешь стать моим гидом? – набравшись храбрости, спрашивает Мартино, бросая взгляд на мое декольте, но сразу же отводит глаза. Он очень застенчив, его невинность нравится мне. Улыбаюсь в приливе скорее нежности, чем неловкости.

– Может быть… – отвечаю неопределенно и поправляю футболку будто случайным жестом.

В это время подходит официант и с элегантностью опускает поднос на стол.

– Господа, ваш заказ! – объявляет он глубоким баритоном и, расставив все перед нами, застывает в ожидании оплаты. Мартино сразу же начинает рыться в кошельке, но я быстро останавливаю его.

– Оставь, я заплачу, – подаю официанту банкноту в 10 евро. – Сегодня мой день рождения… – добавляю вполголоса.

– Правда? – спрашивает Мартино с удивлением. – А что же ты сразу не сказала?

И когда официант отходит, Мартино поднимается и награждает меня неловкими поцелуями в обе щеки.

– Я знаю, что нельзя спрашивать возраст у женщины, но все же…

– Тридцать, круглое число, – отвечаю, прежде чем он успевает закончить фразу. Его ошеломленный взгляд льстит мне.

– Черт, по тебе не скажешь!

– Спасибо! Когда тебе тридцать – это хорошо.

– Шестнадцатое мая… ты Телец.

– Да, а ты? – рискую спросить.

– Весы. Мне третьего октября будет двадцать.

Он тоже кажется моложе, но оставляю эту мысль при себе, потому что вряд ли этот комплимент ему понравится. Выпиваю последний глоток кофе и ложечкой размешиваю остатки тростникового сахара на дне чашки. Ничего не могу с собой поделать: опять думаю об аромате, уловленном несколько минут назад. Он внезапно вернулся в мои мысли, заполонил собой мои воспоминания.

– Ну вот опять! – Мартино смотрит на меня внимательно.

– Что такое? – спрашиваю с удивлением.

---

[17] Кинотто (итал. chinotto) – безалкогольный напиток темного цвета, наподобие кока-колы, но с горьковатым вкусом, на основе фрукта chinotto из семейства цитрусовых.

– Это странное выражение, которое появляется у тебя время от времени. Я его снова заметил. Ты вдруг куда-то пропадаешь, будто улетаешь вслед за какой-то далекой нереальной мечтой. Так же было несколько минут назад, когда ты остановилась посреди улицы.

Он оглядывает меня прищуренными глазами.

– Ты кажешься грустной, Элена. Будто какая-то тайная боль мучает тебя.

Его слова проникают в глубину души, потому что это правда. Я **осознаю, что в моем сердце еще зияет открытая рана – Леонардо. Хотя мне сложно признать это, но она пока не затянулась и, возможно, никогда не излечится до конца.**

– Этого мне никто не говорил, – отвечаю, маскируя волнение улыбкой.

– Для меня это звучит как комплимент, – замечает Мартино, улыбаясь в свою очередь. – Эта странная грусть делает тебя еще красивее.

Он краснеет – стесняется за вылетевшие ненароком слова.

– Ну, спасибо! Будем считать, что твои слова – первый подарок на сегодня!

Я смеюсь, пытаясь преодолеть неловкость, и поднимаюсь:

– Уже поздно. Мне лучше вернуться, а то наслушаюсь потом от Паолы.

– Да, пойдем!

Мартино не настаивает на большем и в спешке собирает свои вещи. На сегодня он и так слишком далеко зашел.

*** * ***

Когда я возвращаюсь домой ближе к вечеру, обнаруживаю, что Филиппо ждет меня там, разлегся с прикрытыми глазами на диване, голова покоится на подушке с черно-белой репродукцией Манхэттена. Он уже снял галстук и пиджак и бросил их на кресло, ворот рубашки расстегнут. Похоже, спит, но вдруг замечаю, как двигается босая ступня, слышу, как он напевает вполголоса «Виа кон ме» Паоло Конте[18] – одну из наших самых любимых песен. В ушах у Филиппо наушники, которые я раньше не заметила.

Смотрю на него пристально почти минуту. Красивое лицо освещено мягким светом, его созерцание вселяет в меня чувство покоя. Наверно, я и правда счастлива, впервые в жизни. Счастлива принадлежать ему, быть в этом месте, счастлива тем, что меня окружает. Как только я приближаюсь к дивану, Филиппо резко открывает глаза, потягивается с улыбкой и говорит:

– С днем рождения, Биби.

– Спасибо, Фил! Хотя ты уже поздравил меня утром… – отвечаю тихо, опуская сумку на ковер в горошек.

Филиппо вздыхает и разводит руки.

– Иди сюда, обними меня! – Он притягивает меня к себе, и я падаю на его горячее тело. Мой любимый нежно целует меня в губы, потом достает из-под подушки белый конверт с нарисованной на нем маргариткой.

– Это тебе, – шепчет с широкой белозубой улыбкой.

Открываю конверт и нахожу в нем купон на выходные в Тоскане.

– Ух ты, Фил, спасибо! Ну что, пойдем? – говорю, крепко обнимая его. Вот это сюрприз… Страстно целую его, представляя себе вечер, который мы проведем вместе, только мы вдвоем, поедая вкусности и занимаясь любовью.

Но сюрприз ко дню рождения на этом не закончен. Филиппо организовал в мою честь ужин с друзьями в одном из лучших ресторанов Рима.

---

[18] Паоло Конте (Paolo Conte) – итальянский певец и джазовый музыкант.

– Тридцать – это тридцать, – подчеркивает эмоционально, – надо отпраздновать как следует… мне казалось, что это минимум, что я могу сделать.

– Осторожно… ты не слишком меня балуешь?

На самом деле я бы предпочла, чтобы мы провели вечер вдвоем, но вообще это тоже замечательная мысль, и я не собираюсь разрушать его планы. Обхватываю его голову руками и покрываю лицо мелкими поцелуями.

– Я счастлива, счастлива. Потому что у меня есть ты!

– Я тоже, Биби. – Он проводит пальцами по моим волосам. – И если уж быть честным до конца, то я счастлив, что ты перестала быть вегетарианкой. Раньше было сложно пригласить тебя куда-нибудь.

Улыбаюсь, вспоминая все странности, которые верному другу пришлось вытерпеть во время обедов и ужинов за долгие годы нашего знакомства. Это был мой пунктик. В вегетарианстве я была педантичной и занудной, как никто… Хорошо, что я изменилась!

– Ты единственная, кого я знаю, кто переменил свое мнение в этой сфере так резко, – продолжает Филиппо, когда мы встаем с дивана. – Я так и не понял, что такого с тобой произошло?

– Я и сама не поняла.

Отделываюсь улыбкой, но навязчивые и вездесущие мысли о Леонардо не оставляют меня. Если бы я не встретила его, наверное, сейчас по-прежнему была бы вегетарианкой. Была бы прежней Эленой. И мой мир остался бы черно-белым – без вкуса, без плоти, без запаха.

* * *

Перед тем как выйти, нахожу время, чтобы пообщаться с Гайей по скайпу. После шуток по поводу моего тридцатилетия (ей будет тридцать только через шесть месяцев, поэтому она может считать себя девчонкой), она рассказывает мне последние новости своих отношений с Беллотти – тем велосипедистом. Ее пикантные, красочные рассказы всегда придают мне чувство здоровой эйфории. Ведь мы с ней будто связаны: я счастлива, если она счастлива. Не хочу, чтобы она наделала глупостей ради типа, который не очень мне нравится и, возможно, совсем ее не заслуживает.

– Ну, так что, вы виделись или нет? – спрашиваю, умирая от любопытства.

– Да. Один раз, – отвечает подруга, накручивая на палец блондинистую прядь. Замечаю, что ногти у нее накрашены красным лаком, любимым цветом Беллотти (она всегда не устает это повторять).

– А где, можно спросить?

– Я приехала к нему в его квартиру в Монте-Карло, незадолго до начала велопробега. Мы занимались любовью всю ночь. И весь следующий день.

Зеленые глаза светятся искренней радостью.

– Эле, это было потрясающе!

Когда у Гайи на лице это особенное выражение, дальше расспрашивать бесполезно. Видимо, Самуэль Беллотти не только красавец, но еще и феномен в постели.

– И теперь?

– А теперь он недоступен, – вздыхает Гайя. – Утверждает, что мы не можем видеться во время Джиро д'Италия[19]. И запретил мне приезжать к нему. Говорит, что я могу отрицательно повлиять на его результаты в соревнованиях.

[19] Джиро д'Италия (итал. Giro d'Italia) – одна из трех крупнейших европейских велогонок, проходящая на территории Италии.

– Вот сволочь!

– Ну, его можно оправдать, это приказ менеджера команды! Так что до середины июня могу забыть о нем, – Гайя пожимает плечами. – Но ты знаешь, с той ночи мы созваниваемся намного чаще!

– Это хорошо.

Может быть, у Беллотти серьезные намерения, но я не очень в этом уверена. И спрашиваю Гайю:

– А о Брандолини ты иногда вспоминаешь? Можешь не отвечать, если не хочешь.

– Иногда. Кстати, я его встретила на Риальто[20] пару дней назад.

Она дотрагивается до лба, будто эта мысль ставит ее в сложное положение.

– Назад я не вернусь. Если бы я осталась с ним, я была бы лгуньей.

Киваю с пониманием.

– А с Филиппо как дела? – сразу же спрашивает Гайя, будто стараясь сменить тему разговора.

– Хорошо, – улыбаюсь, – настолько хорошо, что даже не верится.

Наверное, я так свечусь, что теперь и она улыбается.

– Я всегда говорила, что вы созданы друг для друга. Я вижу, что ты счастлива, Эле. Ты заслуживаешь этого, на самом деле.

Гайя единственный человек, который знает о Леонардо. И после нашего с ним разрыва только она была рядом. **Я верю, что для нее настоящее облегчение – видеть меня за пределами туннеля боли и неуверенности, в котором я оказалась.**

– Ну и когда ты приедешь навестить нас?

– Очень скоро, обещаю.

– Я жду, не разочаровывай меня.

Бросаю взгляд на часы на экране и понимаю, что уже полдевятого – мне надо торопиться.

– Нам надо прощаться. Филиппо организовал ужин с друзьями, чтобы отпраздновать мой день рождения.

– А после ужина с друзьями? Будете праздновать вдвоем? – продолжает она заговорщическим тоном.

– Не знаю… но надеюсь, что да, – говорю, подмигивая, – а теперь, извини, пойду украшу получше мое старое, уставшее тридцатилетнее тело!

– Развлекайтесь! И делай все то, что и я сделала бы на твоем месте… До встречи.

– Целую, Гайя!

– Пока, Эле! Целую!

* * *

Выключив видеокамеру, начинаю готовиться к вечеру. Выбираю черное платье на тонких лямках, ярко-синие босоножки (которые благодаря двенадцатисантиметровой шпильке делают меня выше метра семидесяти пяти) и шелковую накидку. Слегка обрызгиваю запястья *Chloe* – этому трюку научила меня Гайя еще в лицее. «Поскольку ты сильно жестикулируешь, ты будешь таким образом распространять в воздухе свой аромат» – ее слова в коридорах школы до сих пор крутятся у меня в голове.

Потом скрываюсь в туалете, чтобы почистить зубы – я, как обычно, опаздываю, – и начинаю краситься, следуя инструкциям Гайи: наношу на губы помаду персикового цвета и промакиваю ее бумажной салфеткой, завершая все прозрачным блеском. Выделяю глаза тем-

[20] Риальто (итал. Rialto) – самый античный район Венеции, знаменитый благодаря одноименному мосту Риальто.

ными матовыми тенями (я случаем не переборщила?), припудриваю румянами скулы, лоб и подбородок. Чуть-чуть корректирующего карандаша, и я готова. Надеюсь, что не похожа на клоуна! Но, увидев свое отражение в зеркале, улыбаюсь и решаю, что выгляжу неплохо. Похоже, в свои тридцать я наконец научилась краситься.

Возвращаюсь в комнату и ищу пошéт[21] из синей кожи – безумное приобретение, сделанное в Венеции, которое решаю сегодня вывести в свет. И вот я нахожу драгоценную сумочку полностью задавленной под стопкой «Архитектурного дайджеста». Высказав все по поводу Филиппо и его беспорядка и приведя модный аксессуар в достойный вид парой ударов, кладу в сумочку айфон, блеск для губ, изящное зеркальце, пластыри от мозолей (всегда беру их, когда выхожу на каблуках!) и, конечно, пачку моих лакричных палочек (везде ношу их с собой, они – мой талисман). Сумочка еле закрывается.

Застегиваю на левом запястье спортивные часы, которые подарил мне Филиппо в честь нашего примирения, надеваю босоножки и иду в гостиную. Он ждет меня на диване, одетый в хлопковые синие брюки и белую рубашку с полузакатанными рукавами, со спокойным видом человека, способного собраться за минуту. Везет ему: нанес каплю геля и готов, уже красавец.

* * *

Выбранный Филиппо ресторан определенно нравится мне: в нем чувствуется шикарная и особая атмосфера, нет той безличности, свойственной многим модным заведениям. Он обставлен в стиле либерти: кондитерская вся на виду, на освещенной сзади барной стойке из оникса сотни винных бутылок, обеденный зал с куполообразным потолком, белые стулья и скатерти, украшенные свежими цветами. На втором этаже замечательная открытая терраса с потрясающим видом на Тестаччио[22] – именно здесь мы ужинаем.

За столом все спокойны и расслаблены. Приятная компания, хотя мне сложно чувствовать себя непринужденно. Я довольно хорошо знаю коллег Филиппо, мы уже встречались раньше, но они все равно остаются незнакомцами. Вот Алессио – мужчина тридцати семи лет приятной внешности, слегка полноватый. Он женат на Флавии – яркой блондинке, работающей на местном телевидении. Джованни – мелкий и слегка облысевший, одного возраста с Филиппо, обручен с Изабеллой – очень симпатичной девушкой, только что закончившей медицинский институт. Риккардо – начальник, закоренелый холостяк, который ни за что не хочет отказываться от этого статуса, несмотря на седину в волосах и возраст, переваливший за сорок. Всякий раз, когда мы встречаемся, он появляется в компании новой подруги. Сегодня вечером очередь рыжеволосой молчаливой девушки – у нее безупречно-искусственные скулы и красивейшие ноги. Хотя эти люди изо всех сил стараются быть приветливыми со мной (и они действительно симпатичные и интересные), мне кажется, что я никогда не вольюсь в эту компанию. Здесь не хватает той близости, что бывает между людьми, знакомыми целую вечность, которые через многое прошли вместе. В такие моменты мне особенно не хватает Гайи.

После внимательного изучения меню и карты вин, выбираем закуски: аранчини из риса[23] с качиокавалло[24] и шафраном, а еще тарталетки с икрой тунца, лимоном, помидором

---

[21] Пошéт – (франц. pochette) – мешочек, сумочка.

[22] Тестаччио (итал.Testaccio) – название 20-го района Рима, происходит от Mons Testaceus: тридцатипятиметровый вал из черепков (лат. testae) и различных остатков, накопившихся за века.

[23] Аранчини (итал. arancini) – закуска из жаренных в масле рисовых шариков с начинкой из сыра – типичная для Сицилии.

[24] Качиокавалло (итал. caciocavallo) – мягкий сыр характерной округлой формы, тоже типичен для Сицилии.

и базиликом. Потом Филиппо заказывает лучшее шампанское. Официант в белом пиджаке и с шелковой бабочкой бормочет свое одобрение по поводу нашего выбора. Через несколько минут перед нами уже закуски и бутылка выдержанного «*Piper-Heidsieck*»[25].

Пока Алессио наполняет бокалы, Филиппо выпрямляется на стуле, с торжественным выражением лица поднимает бокал, восклицая уверенным голосом: «За мою *невесту*!», и все присоединяются к тосту.

Я за секунду становлюсь красной, как помидор, мне приходиться провести рукой по лицу. **Не знаю, чего мне больше хочется в этот момент: прибить его или покрыть поцелуями. Я впервые слышу, как он произносит это слово. Хотя мы живем вместе полтора месяца и наши отношения стали официальными с первого дня, мне все равно странно слышать, как он произносит это слово.**

С натянутой улыбкой поднимаю бокал и тоже чокаюсь. Филиппо целует меня в губы, и я целую его в ответ, хотя смертельно стесняюсь выказывать на людях некоторые чувства.

Наконец приступаем к еде, но сразу после тоста на меня накатывает какая-то неожиданная меланхолия. Наверное, потому, что дни рождения всегда заставляют задуматься о проходящем времени, или потому, что чувствую себя не на своем месте здесь, среди полузнакомых людей, а может быть, это шампанское вызывает грустные мысли. Внезапно я поглощена той странной ностальгией, которую ощутила сегодня утром – той самой, которую заметил даже Мартино. Я чувствую себя далекой, не на своем месте, как не случалось уже давно. Я говорю себе, без особой уверенности, что это все гормоны, приближаются месячные, но в глубине души понимаю, что дело не только в этом. Несмотря на улыбки, которые я раздаю направо и налево, у этого тридцатилетия кисло-сладкий привкус. И даже потрясающий ризотто с песто из апельсинов, авокадо и мяты не может его отбить.

Когда наконец доходит очередь до волшебного торта из груш и шоколада, который заказал для меня Филиппо, я задуваю свечи под торжествующими взглядами окружающих, думая только об одном: чтобы этот вечер скорее закончился.

Торт отправляют обратно на кухню, чтобы нарезать и разложить по фарфоровым тарелкам, и в то время, как официант разносит наши порции, замечаю что-то странное: в моей тарелке появился цветок, сделанный из зерен граната.

– Биби, смотри, как красиво! – замечает Филиппо, сидящий рядом со мной. – В честь именинницы!

– Да… очень красиво.

Изо всех сил стараюсь улыбаться, но знаю, что лицо разбивается тысячей осколков. Дрожащей рукой подношу к губам бокал и выпиваю глоток шампанского. Сердце разрывается в груди под воздействием противоречивых эмоций. Зернышки граната. Это не может быть случайностью, это знак, сообщение от *него*, я знаю… и все же не могу поверить.

Стараюсь изгнать Леонардо из своих мыслей, усилием сосредоточиваясь на Алессио, который с живостью обсуждает проект восстановления заброшенного парка. Однако его речи об экодизайне и биостроительстве совсем не помогают мне. Начинаю терять контроль и понимаю, что не могу больше ждать ни секунды.

Я должна знать. Сейчас.

Оставляю вилку и резко приподнимаюсь.

– Я на минутку в туалет, – придумываю объяснение под вопросительными взглядами моих сотрапезников.

Прохожу внутрь ресторана, минуя дверь туалета и решительно направляюсь в сторону кухни. Иду быстрым шагом, нервно оглядываясь по сторонам, придерживая сумочку вспотевшими руками. **Наверное, это просто безумие – фантом моего воображения. А если**

[25] «Piper-Heidsieck» – марка эксклюзивного шампанского.

даже все так, как я думаю, то я тем более совершаю ужасную ошибку. Это подобно фильмам ужасов, где героиня, услышав подозрительный шум среди ночи, решает открыть дверь, чтобы узнать кто там, вместо того чтобы сразу же позвонить в полицию. Ну а что еще я могу сделать? Я вне себя.

С горящим лицом прислоняюсь к круглому окошку в двери, ведущей на кухню, но почти ничего не вижу. Потом, глубоко вздохнув, распахиваю двери, которые открываются, словно двери салуна. Чуть не сталкиваюсь с официантом, конечно же, он выходит именно в этот момент, неся четыре дымящихся блюда, но, к счастью, мне удается уклониться и отойти в сторону. Здесь такой беспорядок, что поначалу чувствую себя оглушенной: хаос голосов, пара, запахов, звяканья. Ряд ассистентов толпится вокруг основной столешницы и у конфорок: кто-то шинкует, кто-то варит, кто-то обваливает в сухарях, кто-то ставит в духовку, кто-то обрамляет гарниром и сыплет специи.

– Мы чертовски опаздываем по всем заказам, шевелитесь!

Этот голос словно гром.

Я вижу его, и у меня перехватывает дыхание. Леонардо. На нем белая форма, белая повязка закручена на лбу, как в первый раз, когда я видела его за работой на вечере в Венеции. Темные глаза, живые и внимательные, обычная двухдневная щетина, лоб покрыт потом. Он движется среди своих помощников, харизматичный и авторитарный, но прежде всего наводящий страх. Я понимаю это по тому, как он отдает приказы, и особенно по взглядам, с которыми их принимают подчиненные. Пристально наблюдаю за ним, но он не замечает, что я здесь.

– Лангуст для третьего стола готов уже три минуты. Что будем делать, Уго, подадим его холодным? Где они нашли тебя такого, на празднике котлет?

– Конечно, шеф. Сейчас добавлю гарнир за секунду… извините, шеф. Я отвлекся на минуту, – оправдывается Уго, крупные капли пота стекают по высокому лбу.

– Да неужели? Ты отвлекся? Не страшно, Уго, в «Макдоналдсе» всегда нужны хорошие парни, чтобы жарить картошку… и шевелись с карпаччо из тунца!

– Да, шеф, конечно, шеф!

– Альберто! Ты добавил слишком много соуса для этих гарганелли[26]. Поменьше, поменьше!

Он абсолютно такой, каким я помню его, даже еще немного увереннее в себе и внушительнее. Волосы мне кажутся темнее, челюсть более выражена, мышцы крепче – но, наверное, это просто мои фантазии. Что-то вроде галлюцинации.

Он пока еще не заметил меня, и это дает мне ощущение безопасности. Однако, как только его глаза встречаются с моими, ноги слабеют и начинают дрожать. По губам Леонардо пробегает улыбка, он идет мне навстречу широким шагом. Остаюсь в неподвижности, у меня нет сил, чтобы сделать малейшее движение. Вдыхаю, выдыхаю, вдыхаю.

Я ошеломлена, поражена, взбешена, сама не знаю, что чувствую. Губы не произносят ни одного слова, ни одного звука. На мгновение мне хочется взять тарелку и швырнуть в него в лучших традициях итальянских комедий и сразу же после этого повернуться и уйти. Прежде чем эта мысль смогла осуществится, Леонардо оказывается передо мной и останавливает меня рукой. Этого контакта достаточно, чтобы уничтожить окружающую меня реальность. Я забыла, насколько у него большие руки, какие они всегда горячие. Стараюсь освободиться от его хватки, но мне это не удается.

– Привет, – спокойно говорит он с вызывающей улыбкой, в глазах поблескивают странные огоньки. Морщинки вокруг глаз по-прежнему на своем месте, чтобы напомнить мне, насколько он сексапилен и потрясающе красив.

---

[26] Гарганелли (итал. garganelli) – тип макаронных изделий, в форме свернутых в трубочку квадратов пасты.

– Привет, – бурчу в ответ, разрываясь между злостью и недоверием. Мы не виделись три месяца, за это время я поставила под вопрос и построила заново всю мою жизнь кусочек за кусочком, а он встречает меня как ни в чем не бывало, с настолько искренним «привет», что это выглядит единственно возможной фразой для встречи. Неожиданная дрожь вдоль спины заставляет меня замереть, и я понимаю, что сжимаю кулаки до боли.

– В чем дело, удивлена? – спрашивает, вглядываясь в мое лицо.

– Конечно! – отвечаю, приподнимая подбородок.

– Ну, я тоже, – говорит он, скорее довольный, чем расстроенный.

Я вижу, как уголки его губ складываются в самодовольную улыбочку, и в отчаянии взрываюсь:

– Можно узнать, какого черта ты здесь делаешь?

– Скорее я должен задать тебе тот же самый вопрос, поскольку мы находимся в моем ресторане, – отвечает он с невинным видом, разводя руками.

Смотрю на него без слов. Никогда бы не подумала, что у Леонардо может быть ресторан в Риме. И уж тем более что в день своего рождения я окажусь именно в нем.

– Это моя основная база, когда я не путешествую по миру. Возможно, я никогда не рассказывал тебе об этом…

С моих губ срывается бессвязный звук. Качаю головой, стараясь успокоиться, но это не просто. А он смотрит на меня, как на неожиданный приятный сюрприз.

– Я видел, как ты вошла. Знаешь, иногда мне нравится стоять в дверях, чтобы посмотреть, что происходит в зале…

Леонардо берет меня за талию и сдвигает в сторону, чтобы пропустить двух своих ассистентов, улыбается:

– Я не мог позволить тебе уйти просто так… сюда тебя привела судьба.

– Да неужели? И зачем же, объясни! – говорю уничтожающим тоном.

– Ну откуда же я знаю, – он пожимает плечами, смеясь. Я начинаю терять остатки самоконтроля, которые, надеюсь, еще у меня остались. – Может быть, это какая-то шутка. Но к подобной иронии судьбы стоит прислушаться, не думаешь?

– Боже ты мой! – мне хочется орать от злости. – Что ты находишь в этом такого смешного? – кричу, уже не в силах сдерживаться. – **Ты можешь себе представить, насколько мне было плохо по твоей вине? Хотя бы слабое представление о тех разрушительных днях, которые я провела, стараясь забыть о тебе и убедить себя, что это было просто ошибкой?** А ты мне говоришь о судьбе… Знаешь что, Леонардо? Иди ты к чертовой матери, а заодно и судьба, и это место, и особенно я – за то, что пришла сюда!

Я не могу остановиться. Не могу и не хочу контролировать эту вспышку гнева, и мне наплевать на поваров, которые смотрят на меня, не веря своим глазам, удивленные моими криками. Леонардо отходит на шаг, будто испуганный, но сразу же берет меня за руку и тащит за собой за небольшую дверь справа от нас, вталкивая в темную узкую кладовую.

– Элена, успокойся, пожалуйста, – он поворачивается ко мне, настолько близко, что я слышу запах его кожи и дыхание, отдающее бренди. – Ты устроила спектакль перед всеми.

Останавливаю на нем горящий взгляд:

– Да мне наплевать!

– Мы можем поговорить спокойно?

– Нет, Леонардо, я с тобой разговаривать не собираюсь, не хочу слышать, что ты собираешься мне сказать, и мне нечего…

Прежде чем я закончила фразу, Леонардо закрывает мне рот рукой, и без предупреждения его губы касаются моих. Он целует меня, будто это самая нормальная вещь на свете. Я обезоружена, но все же нахожу в себе силы оторваться от его ищущих губ и залепить ему пощечину.

Леонардо улыбается, потирая горящую щеку рукой.

– Мне тебя не хватало, – шепчет, – ты такая же вкусная, как всегда.

Смотрю на него без слов. Ему меня не хватало?

– Хочу сообщить тебе, если ты не догадываешься, что теперь у меня другой! – говорю решительным и ядовитым тоном.

– Мне очень жаль, Элена, – продолжает он.

– Чего же тебе жаль? – спрашиваю. Конечно, это его обычный стиль решения проблем: ему жаль, а я провела три месяца в слезах.

– Мне жаль, Элена, как все закончилось между нами.

Он смотрит на меня искренним прямым взглядом. Потом наступает внезапное молчание. Я ошеломлена, не думала, что он до сих пор имеет такое воздействие на меня. Чувствую его руку на браслете, подаренном Филиппо. В горле комок, голос срывается на шепот:

– Отлично. Твои извинения – лучший подарок ко дню рождения, который я могла ожидать, – заключаю и выхожу, не оборачиваясь.

Возвращаюсь к столу бледная и ошеломленная, неся секрет, которым не могу ни с кем поделиться. С усилием стараюсь делать вид, что ничего не происходит, и демонстрирую энтузиазм по поводу сорбетто[27] из лимона и жасмина, который нам только что подали. Филиппо спрашивает, все ли со мной в порядке, поскольку я так долго была в туалете, и я отвечаю с натянутой улыбкой, что все отлично. Это первая ложь моего тридцать первого года жизни.

*** * ***

Едем вместе с Филиппо домой в такси. В моей голове безостановочный водоворот мыслей. **Какую дьявольскую шутку сыграла со мной судьба? Все было так хорошо… мне казалось, что я начала новую жизнь, наконец-то поняла, что такое любовь**. Почему Леонардо должен был вернуться и внести хаос, когда я уже навела порядок? Я ненавижу его за то, что он появился таким абсурдным образом. И ненавижу себя за то, что пошла на кухню, поддавшись соблазну узнать больше.

Вот мы приезжаем на спокойную зеленую улочку, где живем. И пока достаю ключи из сумки и передаю их Филиппо, думаю, что, когда мы войдем внутрь, я зажгу свечи, открою бутылку вина для специальных случаев и найду подходящую музыку, чтобы удалить из памяти последние следы прошлого. Пусть оставшийся вечер будет посвящен только мне и мужчине, который сейчас открывает дверь. Мужчине, которого я люблю.

Пока я открываю бутылку «Massetto dell'Ornelaia»[28], Филиппо расслабляется на диване, рубашка полностью расстегнута на груди. Я подхожу к нему с двумя бокалами, опускаю их на столик. Соблазнительно улыбаясь, снимаю босоножки и опускаюсь на колени, глядя ему в глаза. *Это мужчина моей жизни…* Голос Мины[29] глухо отдается в колонках. Напевая вполголоса, целую его в щеку, затем в шею, покрываю поцелуями грудь.

Филиппо улыбается, закрывает глаза и шепчет «Ммм, мне нравится…»

– А вот так? – спрашиваю, облизывая ему ухо языком. Я безуспешно пытаюсь изгнать воспоминание о Леонардо из своих мыслей. Ведь когда стараешься подавить что-то, это становится только настойчивей. Я стараюсь опустошить мои мысли изо всех сил. Снова целую

---

[27] Сорбетто (итал. sorbetto) – замороженный десерт из фруктового сока с добавлением алкоголя.

[28] Массетто делл-Орнелайа (итал. Massetto dell'Ornelaia) – ценное красное вино типа мерло, происхождением из небольшого виноградника Орнелайа, в Тоскане.

[29] Мина (итал. Mina) – сценический псевдоним певицы Мины Маццини, популярной в 60–80-е годы.

Филиппо, на сей раз в губы, и постепенно лицо и поцелуй Леонардо растворяются в облаке дыма.

Филиппо снимает с меня платье, решительным, резким жестом, а я освобождаю его от рубашки и брюк. Обнимаемся вплотную, тело к телу. Громко произношу его имя, и Леонардо наконец-то совсем исчезает.

– Ох, Элена, – стонет Филиппо, сжимая руками мою спину, прижимаясь членом к моему животу. Он хочет меня, я чувствую это даже через нижнее белье. Только в эти моменты он называет меня «Элена», а не обычным уменьшительным именем.

Открываю глаза и прошу Филиппо посмотреть на меня.

Отвечаю ему проникновенным взглядом и говорю: «Я люблю тебя».

– Я тоже тебя люблю, – отвечает он с искренним и счастливым выражением лица.

Крепко зажмуриваю глаза, чувствуя, как Филиппо все больше возбуждается от контакта наших тел. Устраиваюсь поверх него, начинаю двигаться и снова произношу его имя. **Имя моего *жениха* – Филиппо. Я прекрасно знаю, с кем я нахожусь в этот момент и кого люблю**. Он отводит меня в спальню, откидывает одеяло и помогает мне проскользнуть поверх мягких простыней.

Сейчас мы обнажены. Эта кровать священна, думаю про себя, она принадлежит нам. Леонардо испарился, его здесь больше нет. Никогда не было и не будет! Да пошел он!

Филиппо движется внутри меня, и я чувствую себя дома, полная его запахом, его любовью, его кожей. Чем-то, что никто и никогда не сможет забрать у меня.

Глава 3

Роюсь в кармане комбинезона в поисках коробки с лакричными палочками, но, когда открываю ее, обнаруживаю, что она пуста. Вот черт! Еще только четыре часа дня, за полдня я опустошила целую упаковку «Амарелли» и теперь чувствую пустоту в желудке, а голова кружится от подскочившего давления. Но дело не только в лакрице. Это последствия вчерашнего вечера и бессонной ночи. Встреча с Леонардо стала шоком, но, наверное, этого следовало ожидать.

Продолжаю повторять про себя, что Филиппо – единственный для меня. Однако обманывать себя нет смысла: третий раз подряд, к большому удовлетворению Паолы, я ошиблась в смеси пигментов, добавляя белый вместо синего. Это окончательное доказательство (если в нем есть еще необходимость) – мне не удается сосредоточиться. **Что со мной происходит? Мои мысли не здесь, они уносятся в направлении запретной зоны под названием «Леонардо». Я должна защитить себя, думать о своем благе. Думать о чем-то другом.**

Вдобавок, как назло, две женщины и монашка-кармелитка способствуют помутнению моего разума, они уже с полчаса читают молитвы громким голосом прямо напротив капеллы. Их французские напевы отдаются у меня в висках. Могли бы из вежливости хотя бы понизить голос, но, наверное, они настолько погружены в себя, что совсем забыли об окружающем мире. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть на них, и качаю головой, в то время как ищу подходящий цвет, чтобы оттенить кудри младенца Иисуса на руках Девы.

Сегодня Мартино не пришел, так что не могу даже отвлечься болтовней с ним. Его присутствие стало привычным постоянством моих рабочих дней, и нынче, не видя, как он бросает монетки в машинку или тратит реки чернил на свои разлетающиеся листки, я чувствую себя одинокой. Кто знает, вернется ли он или решил забаррикадироваться дома, чтобы готовиться к экзамену ужасного Бонфанте.

– Элена, какого черта ты делаешь?

Чья-то рука хватает меня за запястье и отводит мою кисть от неправильной емкости. Это Паола! Вот черт! Я обмакнула кисточку в банку с растворителем вместо банки с водой. «Да что с тобой?» – кричит она. Ее голос такой пронзительный, а рука сжимает запястье настолько сильно, что от страха чуть не падаю на пол.

– Извини, – бормочу, опустив взгляд, чувствуя, как заливаюсь краской с ног до головы. – Сегодня я не в себе.

– Я заметила, никогда не видела тебя настолько рассеянной, – комментирует Паола. Но при этом тон у нее не столь язвительный, как обычно, в нем даже проскальзывают нотки милосердия. – Что, отпраздновала вчера вечером? – Она смотрит на меня так, будто видела все случившееся вчера в мой день рождения.

– Я и правда заснула вчера поздно, – признаю, не вдаваясь в неприятные детали, – наверное, я лучше выйду, подышу.

– Иди, иди, приди в себя!

Все еще в комбинезоне, иду к дверям и, выйдя, делаю несколько шагов по церковному двору. Расстегиваю молнию, снимаю толстовку и повязываю рукава на талии, оставаясь в футболке. Вдыхаю и выдыхаю полной грудью, любуясь видом окружающих зданий. Небо уже отдает летом, воздух игристый, но мне все равно не удается успокоиться. Жаль, что я не курю, этот момент просто идеальный, чтобы закурить сигарету. Я настолько взволнована и обескуражена, что могла бы и начать именно сегодня. На углу есть табачная лавка… я могла бы зайти туда и купить пачку «*Vogue Lilas*» – длинных сигарет, которые курит Гайя. Но желание сразу же пропадает при виде приближающегося отца Сержа с коробкой, до верху

наполненной брошюрами для епархии. На нем комплект из серого льна с длинным рукавом, и как ему не жарко?

– *Elena, ça va bien?*[30] – Он улыбается белоснежной улыбкой, и я догадываюсь, что отец Серж спрашивает себя, что я делаю на улице, почему не работаю.

– *Oui, tout va bien. Merci*…[31]

Это всего-навсего попытка, но мой французский настолько плох, что я сразу же расстаюсь с этой идеей.

– Пятиминутная передышка, – оправдываюсь со страдальческим выражением, как бы говоря: «Попробуй ты посидеть на стремянке три часа подряд».

– Конечно, иногда необходимо отвлечься, – соглашается он, пользуясь случаем, чтобы всунуть мне листовку. – Это программа на июнь, только что из печати, – объясняет с торжествующей улыбкой.

– Спасибо, обязательно почитаю.

Конечно же, читать не буду, но хочу осчастливить отца Сержа, который, похоже, действительно придает этому значение.

– Прекрасно! Пойду готовиться к службе! – Он прощается и спортивным шагом входит в церковь.

– До свидания, до встречи!

Несмотря на назойливость и неспособность понять, что я уже давно неверующая, отец Серж мне симпатичен. У него всегда веселое выражение лица, он говорит по-итальянски с мелодичным французско-африканским акцентом.

Пока я обдумываю, побыть ли мне здесь еще чуть-чуть или вернуться, мой айфон начинает звонить. На экране номер с кодом 340. Такого номера нет в памяти моего телефона, но боюсь, я знаю, кому он принадлежит. Удаление номера три месяца назад не решило проблемы, я помню его наизусть и, к сожалению, могла бы набрать даже после грандиозной пьянки. В течение долгих минут я была уверена, что не хочу отвечать, но эта уверенность вскоре испарилась.

На пятом звонке прочищаю горло и слабо отвечаю: «Алло!»

– Привет! – говорит Леонардо. – Это я.

– Я знаю, – отвечаю. И, не отдавая себе отчета, начинаю ходить туда-сюда и нервно оглядываться по сторонам.

– Как дела? – спрашивает.

– Хорошо.

На самом деле ничего хорошего, но я не хочу вдаваться в подробности, нужно поскорее от него отделаться.

– Ты на работе?

– Да…

Может быть, мне надо воспользоваться этим поводом, чтобы прекратить разговор и начать снова свободно дышать – мое сердце перестало биться, а я даже этого не заметила. Но Леонардо не теряет времени и, пренебрегая условностями, сразу же переходит к главному:

– Увидимся вечером? – спрашивает.

– Сегодня вечером? – Минута колебания.

– Да, сегодня, – повторяет, как обычно, уверенным тоном.

Подведем итоги: этот мужчина думает, что может ворваться в мою жизнь, превратить мое сердце в лохмотья, уйти, а потом вернуться через несколько месяцев как ни в чем не бывало, спрашивая, не хочу ли я снова встретиться. Сегодня вечером. И при этом, наверное,

[30] Елена, все в порядке? (франц.)

[31] Да, все хорошо. Спасибо. (франц.)

ожидает, что я подпрыгну от счастья. «Ты жестоко ошибаешься!» – голос гордости первым подсказывает мне ответ. Но вот в мысли проскальзывает коварное, стелющееся желание: действительно, мы могли бы и встретиться разок, просто чтобы поговорить, чтобы я получила наконец те объяснения, которых не было в конце наших отношений. Ничего в этом нет плохого…

– Не знаю, смогу ли я.

Беру еще несколько секунд на раздумье, пока гордость и чувства продолжают разбираться между собой.

– Элена, или да или нет!

Думаю, что да. По крайней мере, скорее да, чем нет. Мне кажется, что я достаточно сильная, чтобы встретиться лицом к лицу с Леонардо, проявив отстраненность и зрелость. **Может быть, судьба снова поставила его на моем пути, чтобы дать шанс окончательно покончить с этой историей и навсегда освободиться от его призрака.**

– Ну хорошо, – сдаюсь в конце концов. Эмоции – гордость: один – ноль.

– Я заеду за тобой на мотоцикле, ты где?

На мотоцикле? Этого я не ожидала.

– Я работаю в Сан-Луиджи-деи-Франчези, но сюда сложно доехать на мотоцикле…

– Без проблем! Встретимся в восемь на Корсо Витторио. Рядом с Сант-Андреа-делла-Валле[32].

Это его обычное повеление, не признающее возражений, узнаю его. Воспоминания о прошедших месяцах возрождаются при звуке его голоса.

– Ок, – отвечаю и сразу же жалею об этом.

* * *

Прежде чем вернуться к работе, звоню Филиппо, чтобы предупредить, что проведу вечер вне дома. Придумываю оправдание, первое, что приходит мне в голову, и поскольку здесь, в Риме, у меня еще нет подруг, ссылаюсь на Паолу. Говорю ему, что мы пойдем есть пиццу вместе с моей неприятной коллегой, которая на один вечер решила снять маску питбуля и открыться миру. Похоже, Филиппо это совсем не огорчает, он желает мне хорошо развлечься с Паолой «которой, наверное, это нужно».

Ну вот, я уже вру Филиппо…

– Конечно! – отвечаю, смеясь над его шуткой, но неестественным, почти истеричным смехом. Не люблю кого-то обманывать, надеюсь, мне удастся исправиться. Мне уже много месяцев не приходилось врать, в последний раз это тоже случилось по вине Леонардо. Достаточно было снова встретить его, чтобы заново возникла необходимость во лжи. Такая мысль оставляет неприятнейшее ощущение внутри меня. Но на сей раз (впрочем, как и во все другие) я чувствую, что выбора нет. **Запретить себе идти на эту встречу – не решение проблемы. В любом случае я думала бы о нем, а мои мысли застряли бы на нереализованном желании. Я просто хочу понять, и ничего другого, и потому лучше встретиться с монстром лицом к лицу. Или это лишь мое самооправдание?**

* * *

Я жду его уже несколько минут на площадке перед собором Сант-Андреа-делла-Валле. Нервным шагом прогуливаюсь вокруг фонтана, воровато оглядываясь через плечо, будто

[32] Сант-Андреа-делла-Валле (итал. Sant'Andrea della Valle) – католический собор в Риме, на Пьяцца Видони.

преступница, которую с минуты на минуту придут арестовывать. Продолжаю спрашивать себя, правильно ли я поступила, приняв это приглашение. Увы, ответ остается прежним: нет. В одном из моих видений наяву рука Филиппо хватает меня за ремень джинсов, словно механический крюк, и тянет к себе: «Не делай этого, Биби! Иди ко мне!»

Звук мотоцикла возвращает меня к реальности. Передо мной материализовался кентавр на «Дукати Монстер»[33], лицо полностью закрыто шлемом. И это праздник мышц, кожи и металла.

Леонардо выключает мотор и поднимает забрало, открывая магнетические глаза: они тоже кажутся сделанными из блестящего металла. Он слишком красив, чтобы быть монстром. Улыбается, приветствует меня и, не сходя с мотоцикла, протягивает мне второй шлем, который держит в руке. Я не разбираюсь в мотоциклах, но помню, благодаря одному летнему приключению с одним очень разговорчивым кентавром, что, когда у мотоцикла вся механика на виду, на жаргоне их называют «голыми». Ну так вот, я тоже чувствую себя голой под ласкающим взглядом Леонардо, внезапно становлюсь маленькой и беззащитной. Надеваю тяжелейший шлем, Леонардо помогает мне застегнуть его под подбородком, потом подвигается, чтобы я села сзади. К счастью, на мне джинсы, а не юбка: рабочий комбинезон не оставляет простора для женственности.

Я опираюсь одной ногой на педаль и, ухватившись за плечи Леонардо, провожу в воздухе полудугу второй. Ну вот, я в седле и даже без обычных нелепых приключений! Этот мотоцикл, возможно, и красивый, но уж точно не скажешь, что удобный. Мне становится страшно еще прежде, чем мы трогаемся, поэтому прижимаюсь к Леонардо.

– Готова?

– Куда мы поедем? – спрашиваю.

– Сюрприз.

Насколько я помню, когда Леонардо так говорит, нужно начинать беспокоиться.

– Пожалуйста, помедленнее! – прошу, ухватившись руками за его бока. Контакт с его телом оказывает на меня определенное воздействие, оно такое крепкое…

– Боишься? – хихикает, поглаживая мне щиколотку, будто пытаясь успокоить.

– Чуть-чуть, – признаюсь.

– Не волнуйся, я не быстро езжу.

Леонардо нажимает на стартер. Рычание мощного мотора электризует меня, заставляя слегка вибрировать на сиденье, и страх через секунду превращается в возбуждение. Газанув, уносимся по Корсо Витторио.

Свежий воздух ласкает мое лицо, меня наполняет чувство свободы. Прижимаю колени к его ногам, чтобы держаться крепче. Сердце бьется, как сумасшедшее, особенно на поворотах, но в то же время я ощущаю себя в безопасности, когда Леонардо за рулем. Его движения настолько уверенны, что я полностью доверяюсь ему. «Дукати» скользит по асфальту и с вызовом разрезает ветер, пересекает мост Понте Систо[34], приветствуя Тибр гудком клаксона, а затем поднимается наверх в направлении Джаниколо[35]. Череда повторяющихся широких поворотов, и вот наконец Фонтаноне[36] раскидывается перед нами во всем своем магическом величии. Леонардо паркуется на площади, сходит первым, потом помогает мне сойти, придерживая за талию.

---

[33] «Дукати» (итал. Ducati) – знаменитая итальянская марка мотоциклов, производимая одноименной компанией La Ducati Motor Holding S.p.A. в Болонье.

[34] Понте Систо (итал. Ponte Sisto) – мост, соединяющий площадь Сан-Винченцо и площадь Трилусса.

[35] Джаниколо (итал. Passeggiata del Gianicolo) – прогулочная дорога, обрамленная платанами, с которой открывается потрясающий вид на исторический центр Рима.

[36] Фонтаноне (итал. fontanone) – фонтан Аква Паола, находящийся на Виа Гарибальди.

На секунду замираю, завороженная сценарием, от которого прихватывает дыхание, и от звуков воды, выбегающей из труб и переливающейся в нижний бассейн. Хочется окунуться в нее. **Не понимаю, почему фонтаны Рима оказывают на меня такое сильное впечатление. Они заставляют прислушаться к себе, они словно шепчут мне что-то**. Но сегодня вечером я не желаю знать, что хотел мне сказать Большой Фонтан Джаниколо.

– Какая красота здесь наверху! – говорю, оглядываясь. Снимаю шлем и стараюсь привести в порядок волосы, которые наверняка жалко придавлены к голове шлемом.

– Ты никогда здесь не была? – Леонардо пристегивает мой шлем к своему и укладывает их на мотоцикл.

– Нет… Я переехала в Рим всего пару месяцев назад.

Нужно сразу же отогнать назойливую мысль: почему Филиппо ни разу не привел меня сюда?

– Лучшей части ты еще не видела.

Он улыбается и смотрит на меня своими темными, непроницаемыми глазами.

– Давай прогуляемся чуть-чуть до Бельведере, ты согласна?

– Ок, – отвечаю, поспешно отводя взгляд от его глаз.

Идем дальше пешком, следуя рисунку стен. В этот час подниматься приятно, солнце почти зашло, оставив на небе красные полосы. Мы идем медленно, на выдержанном расстоянии один от другого, и на каждом метре мои глаза вбирают открывающиеся новые фрагменты ошеломляющей красоты.

Дойдя до вершины, на несколько минут останавливаемся перед великолепной панорамой Бельведере-ди-Монтеверде[37]. Вид отсюда потрясающий. Можно охватить весь Рим одним взмахом ресниц, я без слов. Зажигаются огни, и город будто засыпает. **Впервые со дня приезда я смотрю на Рим и, кажется, начинаю понимать его. Отсюда, с вышины, хаотичный и сложный мегаполис имеет менее грозный вид, невозмутимо раскинувшись у моих ног.**

– Я никогда его таким не видела, – говорю Леонардо, – спасибо, что привез меня сюда.

Он улыбается, рассекая мне душу, не спросив разрешения. Никому не позволено так улыбаться, в таком месте, на фоне такого заката.

Проходим вперед еще немного и садимся на скамейку. Уже зажглись первые вечерние звезды, с моря поднимается понентино[38], обдувающий наши лица легкой теплой волной.

Придерживаемся нейтральных тем, обсуждая нашу работу. Разговоры такого рода ведутся обычно с человеком, которого ты только что встретил и хочешь узнать получше, либо с другом, которого давно не видел. Беседа идет поверхностно, спокойный поток вопросов и ответов, прерывающихся только краткими минутами молчания.

– Ты счастлива сейчас? – спрашивает Леонардо в упор. И сразу же добавляет: – Он выглядит хорошим парнем, твой жених.

По тому, как он это говорит, понимаю, что он, наверное, наблюдал за нами из кухни.

– Да, это так, – признаю и начинаю рассказывать ему немного о Филиппо и наших отношениях.

Леонардо, в свою очередь, рассказывает мне, что живет в Риме уже много лет, что открыл ресторан здесь вместе с партнером и отдает этому заведению основную часть своего времени. Иногда он отправляется в путь «за приключением», когда находит что-нибудь интересное с профессиональной точки зрения или когда ему просто надо сменить обстановку, как это было в Венеции.

---

[37] Бельведере ди Монтеверде (итал. Belvedere di Monteverde) – жилой район в Джаниколо, с элегантными виллами и прекрасным видом на Рим с одноименного холма.

[38] Понентино (итал. ponentino) – теплый восточный ветер с моря, характерный для регионов Лацио и Тоскана.

– Ты никогда мне об этом не говорил… – замечаю вскользь. Как странно: мы разделили много очень интимных моментов, но я прежде не знала об этих деталях его жизни.

– Потому что ты никогда не спрашивала меня, – замечает он, пожимая плечами.

– Ты был настолько замкнут, что в один прекрасный момент я просто прекратила задавать вопросы.

– Возможно, ты права, в чем-то это и моя вина.

Он снова улыбается, но уже горькой улыбкой.

– Знаешь, я много думал о тебе в эти месяцы. – Он на минуту опускает глаза, как бы стараясь поймать воспоминания. Потом потирает подбородок и добавляет: – Я много раз собирался позвонить тебе.

– И почему же ты этого не сделал? – пронзительные слова срываются с моих губ помимо воли. Я напрасно ждала его звонка, а теперь узнаю, что он тоже хотел услышать меня.

– Просто всякий раз я думал о том, что скажу тебе, и понимал, что ничего нового не могу добавить к тому, о чем мы говорили несколько месяцев назад.

Он прислоняется к стене и какое-то время молчит.

– Я бы заново разочаровал тебя, а этого мне вовсе не хотелось.

– То есть ты больше не искал меня для моего же блага, ты это хочешь сказать?

Все это напоминает сцену из пошлого сентиментального фильма, и глухая злость поднимается у меня внутри. Стараюсь подавить ее, потому что это уже не имеет смысла, но мне все же надо понять кое-что. И Леонардо знает, что должен дать мне объяснения.

– Нет, Элена, я сделал это для *моего* блага.

Качаю головой, я уже совсем ничего не понимаю.

– Я стремился забыть тебя, не хотел быть затронутым этой историей и не хотел, чтобы она затронула тебя. Рано или поздно я вынужден был бы уехать, и нам все равно пришлось бы попрощаться. Мы не могли поддерживать постоянные отношения, и единственным выходом было расстаться сразу же.

Он вздыхает.

– Элена, у меня очень сложная жизнь. Я, как кочевник, всегда в пути, от одного города к другому. И несмотря на это, я остаюсь привязанным к долгу, от которого не могу и не хочу отказываться…

Он будто хочет добавить еще что-то, но в конце концов опускает взгляд и умолкает.

– О каком долге ты говоришь? – спрашиваю, горя нетерпением узнать.

Его глаза замирают на линии горизонта в раздумии, стоит ли рассказывать. Потом Леонардо смотрит на меня с обезоруживающей улыбкой:

– Оставим это, какой смысл обсуждать это сейчас?

– Для меня есть смысл, – настаиваю, дабы не позволить ему загнать меня в угол. – Ведь я испытала на себе результаты *твоих* решений… наверное, хоть какое-то объяснение ты мне должен дать.

Пытаюсь говорить повелительным тоном, но с ним это не срабатывает: Леонардо смотрит на меня с легким удивлением, потом поглаживает по щеке, как капризного ребенка:

– Объяснения не исправят ситуации, Элена, скорее сделают ее еще более грустной.

Мое лицо в его теплой, большой руке кажется действительно лицом девочки. Я теряюсь. Этот мужчина не желает сказать мне, кто он на самом деле. Хорошо, не буду настаивать, я знаю, что это бесполезно. И потом, не хочу давать ему слишком большое удовлетворение.

– Это было прекрасно, снова увидеть тебя вчера вечером, – говорит, приподнимая брови.

– Это было нереально, Леонардо. И причинило мне боль. Думаю, что это свое тридцатилетие я запомню навсегда.

– Но ты должна принять это, Элена. Поскольку, что бы мы ни планировали, как бы ни обманывали себя, полагая, что принимаем решения, все зависит только от судьбы. И с этим ничего не поделать.

– Просто бардак, – говорю, не сдержав вырвавшийся возглас.

– Или просто удача, – отвечает он раздумчиво.

Некоторое время молча глядим на потемневшее небо. Со стороны мы, наверное, похожи на старых друзей, которые пережили вместе много важных моментов и, несмотря на нанесенный друг другу ущерб, пока не потеряли желания прислушиваться друг к другу. **Может быть, это последний акт нашей истории. Эта горькая нежность – все, что осталось после всепоглощающей страсти прошлого.**

Но все же огонек еще горит внутри меня, спрятанный под слоями раздумий и инстинкта выживания. И достаточно одного прикосновения его плеча к моему, чтобы тлеющее пламя разгорелось опять. Смотрю на Леонардо: на его гордый профиль, таинственный взгляд, сжатую челюсть. Он похож на холодную статую, и я готова отдать все золото мира, чтобы узнать, что он чувствует в этот момент.

Закрываю глаза на мгновение и наслаждаюсь ощущением контакта нашей кожи. Приказываю сама себе отодвинуть руку. Я обручена. Люблю Филиппо. Мысли мешаются у меня в голове. Но это ни к чему, я не могу сдвинуться.

Наши мизинцы едва соприкасаются, потом сплетаются, будто течение подталкивает их друг к другу. Но это лишь мгновение. Леонардо вскакивает.

– Поехали? – хрипло спрашивает, поправляя кожаную куртку и стараясь не встречаться со мной взглядом.

Я тоже сразу поднимаюсь.

Направляемся к Фонтаноне. Через несколько минут я сяду на его мотоцикл, он подвезет меня до метро, и там я навсегда с ним распрощаюсь. Меньше чем через час я снова буду дома и забуду тепло его рук, энергию его глаз, аромат его кожи.

Я думаю так, идя перед ним, в нетерпении покончить с этим. Потом неожиданно чувствую его руку у себя на плече, и, прежде чем успеваю что-нибудь понять, Леонардо разворачивает меня и притягивает к себе. Крепко обнимает и раздвигает языком мои губы. Я позволяю завоевать себя, не оказывая сопротивления, и тоже целую его со страстью, о которой мечтала все эти месяцы и с первого мгновения, когда снова встретила его.

– Элена, – вздыхает он. Потом смотрит на меня горящими глазами, зажигая своим огнем. – Ты слишком большой соблазн для меня, – шепчет, – я пытался устоять, но не знаю как.

Я чувствую себя потерянной и сконфуженной. Умираю от страха и от желания на обочине дороги. Ноги дрожат, и ниже пупка все сжимается в предвкушении. Это абсурдно, но я хочу его до боли.

– Элена, я чувствую тебя… – берет меня за запястья и, спрятав в объятиях, отводит в сторону, на зеленую полосу, обрамляющую улицу. – Ты должна быть моей, сейчас.

Прислонив меня к дереву, он раскрывает молнию на моей куртке, скользнув рукой к груди. Его дыхание учащено еще больше моего.

Все сказанные до этого слова больше не имеют смысла, мы два магнита, которые притягиваются друг к другу, несмотря на запреты и пожелания, свыше любой логики. **Тяга к этому мужчине зажигает мою кровь**. Вижу, как моя реакция отражается в нем, его темных глазах, горящих под моим взглядом, в щетине на его подбородке, поблескивающей под светом фонаря. **Я не властна над собой и собираюсь совершить ошибку. Ужасную, огромную ошибку.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.